

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7876

РУССКИЙ ЯЗЫК В РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Статья выполнена при поддержке РФФИ. Проект №20-011-00241 «Содержательные основы общероссийской гражданской идентичности в региональном и этнокультурном контексте»

Е. М. Арутюнова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Арутюнова Е. М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 111–123. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7876

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам роли русского языка в российской идентичности. В ней проанализированы основные концепты гражданского национализма в западной научной литературе, выявлены их элементы, связанные с приданием общенациональному языку одной из ключевых ролей в процессах формирования гражданских наций как особого типа солидарности (концепты Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, М. Биллига и др.). Показано, что общенациональные языки, сформировавшись под влиянием определённых экономических и политических обстоятельств, продолжают воспроизводиться как языковые конструкты и в современных условиях фрагментации пространства, тенденций признания прав языковых и других меньшинств и трансформаций идей национализма. На материалах репрезентативных социологических исследований в разных странах показано, что язык является «краеугольным камнем» национальной (гражданской) идентичности в представлениях людей — общенациональные или доминирующие на национальном уровне языки в разных странах воспринимаются как необходимые, чтобы считаться частью гражданской нации. Общероссийские опросы также демонстрируют, что русский язык — один из важнейших идентификаторов российской идентичности в массовых представлениях наших сограждан на данный момент, что существенно заметнее в русской этнической среде. В статье делается вывод о том, что потенциал русского языка в российской идентичности испытывает негативное влияние как давно действующих факторов (в частности, противопоставление русского и родных языков в языковой политике и образовании), так и недавних, связанных с акцентированием роли русского языка как языка государствообразующего народа.

Ключевые слова: русский язык; общенациональный язык; гражданский национализм; российская идентичность; общественное мнение

Введение

Актуальная повестка предоставляет сразу несколько оснований обратиться к тематике языковой политики, языковых процессов и роли языка в идентичности. С одной стороны, это фокусирование этнополитики на задаче «укрепле-

ния гражданского единства, гражданского самосознания» российской нации с одновременным выделением «системообразующей» и «объединяющей» роли русского народа¹. Поправки в Конституцию от 2020 г. усиливают его статус как «языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»². С другой стороны – языковые противоречия в образовании в отдельных республиках, результатом которых стали активизация дискурсов этнических активистов и дополнительное ужесточение связки «этнос и язык», и без того отчётливой в отечественных научном, активистском и повседневном дискурсах.

Методология и исследовательская задача

Язык – один из инструментов выстраивания идентичностей: по линии языка часто проходят границы в диаде «мы – они» – даже в случае поколенческих или профессиональных идентичностей, но гораздо более чувствительно – в случае этнических или национальных общностей. Среди многообразных функций и проявлений языка в идентичности выделим важные для нашего исследовательского поля. Языковые сообщества «выступают в роли оснований и объектов формирования» этноязыковых идентичностей (добавим – и политических, и региональных), языковые характеристики поведения индивидов и групп являются маркерами групповых границ, а одну из важнейших ролей для идентичности играет соотношение коммуникативных и символических функций языка [7, с. 677–678].

Ключевая задача статьи – проанализировать роль русского языка в общероссийской идентичности, опираясь на основные концепты гражданского национализма, на данные о фактической роли русского языка в коммуникации российского общества, массовое общественное мнение и некоторые экспертные оценки.

Известно, что два основных толкования понятия нации связаны с различием политической и этнокультурной общностей, причём второе толкование распространено в отечественных дискурсах – как обыденном и активистском, так и в научном, что во многом – наследие советской национальной политики. Исходя из наших задач, нацию мы понимаем в конструктивистском ключе в политико-гражданском смысле. В трактовке российской идентичности мы при-

---

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/f30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 06.11.2020).

² Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? 14.03.2020 // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 10.11.2020).

держиваемся определения, данного в Стратегии государственной национальной политики: общероссийская гражданская идентичность — это «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹.

Значимые для контекста нашего исследования роли русского языка различны — это и государственный (и официальный) язык Российской Федерации, и «язык межнационального общения», как его принято называть, и родной для значительной части населения страны язык — причём далеко не только для русских. Терминологически и методологически автор согласен с позицией о том, что распространённое у нас понятие «родной язык» не должно быть жёстко связано с этничностью и должно рассматриваться как подвижное, ситуативное и множественное явление [11], чему больше соответствует понятие «первый язык». В современном мире, когда многоязычие становится реальностью и нормой, такая трактовка позволяет более адекватно оценивать языковые ситуации, в том числе в России. Учитывая, что государственный язык на всей территории Российской Федерации, согласно Конституции, один — русский язык — адекватным реальной ситуации мы считаем использование понятий «(обще)национальный язык» в отношении русского языка и «этнические языки», или «миноритарные языки», — в отношении других языков в России, а также «государственные языки республик» для описания правового статуса соответствующих языков.

Эмпирическую базу анализа составили результаты «Социологического мониторинга основных показателей состояния межнациональных отношений», проведённого Всероссийским центром изучения общественного мнения по заказу Федерального агентства по делам национальностей при участии сотрудников Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН в 2019 г., включая автора статьи. Массовый опрос проводился в форме личных интервью по месту жительства респондентов методом СAPI. Репрезентативная для взрослого населения РФ выборка строилась на основании данных Росстата (переписи населения за 2010 г.) и включила в себя 200 кластеров. Выборка многоступенчатая, стратифицированная и случайная с элементом целенаправленного отбора, её объём — 2000 человек. Другим источником для анализа стали экспертные интервью, подготовленные и проведённые в Уфе при участии автора в рамках проекта «Содержательные основы общероссийской гражданской идентичности в региональном и этнокультурном контексте», поддержанного РФФИ (рук. Л. М. Дробужева).

---

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/. (Дата обращения: 6.11.2020)

Язык и гражданская идентичность: классические и современные концепты национализма

Значительный вклад в изучение центральной роли языка в процессах национализма внесли работы Э. Геллнера. Национализм он трактовал как «повсеместное распространение опосредованного школой, академически выверенного кодифицированного языка, необходимого для достаточно чёткого функционирования бюрократической и технологической коммуникативной системы» [4, с. 130].

В идее «воображения нации» ещё одного теоретика национализма, Б. Андерсона, именно языку принадлежит одна из ключевых ролей – настолько, что полемизирующий с ним М. Сильверстейн называет его концепт «лингвистическим воображением нации» [10], связывая его с идеями признанного лингвиста Б. Уорфа. Основным фактором такого воображения, по Андерсону, стал «печатный капитализм»: «печатность-как-товар» в Европе уже с XVII в. требовала расширения рынков, в том числе в область «народных языков», а не только латыни, и в это же время происходило постепенное расширение использования родных языков в административных целях управления и централизации. Национальные печатные языки, в свою очередь, создавали «унифицированные поля обмена и коммуникации, располагавшиеся ниже латыни, но выше местных разговорных языков», а также помогали выстраивать и распространять образы прошлого, также играющие важную роль в «воображении нации» [1, с. 100–101].

«Филолого-лексикографическая революция» [1, с. 155] – описание, изучение языков, составление словарей, грамматик, то есть стандартизация языков, в том числе просторечных, в XVIII в. – ещё один фактор и необходимый этап в процессах «воображения» наций. Такой этап «социальной инженерии», как этот процесс называет Э. Хобсбаум, русский язык, как и многие другие сложившиеся языки современных государств, прошёл до XIX в. [13, с. 54]. Л. Гринфельд прослеживает этот процесс для России от Петра I через введение им светского русского языка (помимо изменения официального дискурса, формировавшего чувство родины), а позднее через стандартизацию грамматики, в частности – М. Ломоносовым [5, с. 236]. Русский язык в итоге стал не только языком повседневности, но и языком литературы, и предметом изучения, он окончательно отодвинул церковнославянский язык в область религиозной жизни.

Если изначально национальные литературные и печатные языки были результатом деятельности интеллектуальных элит, то распространение образования сделало причастными к ним всё более широкие круги внутри нации, и язык постепенно становился одним из способов идентификации, приобретал символическое значение. Иначе говоря, для нас важно, что язык гражданской нации «принадлежит» всем и творится всеми в её составе.

М. Биллиг рассматривает язык как одну из идеологических конструкций национализма, одну из «изобретённых непреложностей», которые созданы в современную эпоху, но представляются и переживаются как существовавшие всегда

[2, с. 77]. Однако, по его мнению, «не столько язык создаёт национализм, сколько национализм создаёт “наше” обыденное представление о том, что существуют “естественные” и бесспорные вещи, называемые различными “языками”, на которых мы говорим», а «нации могут быть “воображаемыми сообществами”, но воображаемые формы невозможно объяснить с точки зрения языковых различий, ибо и сами языки воображаются в качестве особых сущностей» [2, с. 83]. Здесь важно не только конструирование представлений о языке как неотъемлемом и критически важном признаке нации (чаще в этническом смысле), но и то, что это происходит в процессе постоянного воспроизводства чувства «мы» в повседневном и медийном дискурсах, что обращает исследователей к изучению идентичностей в повседневности и к рассмотрению их как процесса.

Такое воспроизводство чувства «мы», вероятнее всего, было бы затруднительным без фактически существующего общего языкового пространства. Русский язык по факту – язык коммуникации российского народа, а российская нация обладает «языковым единством», – как пишут В. А. Тишков и В. В. Степанов, – «многоэтничный российский народ общается на одном, не единственном, но на одном общем языке, и это следует называть *языковым единством российской нации* (курсив авторов – Е. А.), а русский язык – языком нации или национальным языком» [12, с. 32]. Это подтверждается и распространённостью владения русским языком (99,4% населения России владеют русским языком – по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.), и широтой использования его в повседневной жизни (97,4% населения пользуются русским языком – по данным микропереписи населения 2015 г.). Как пишет А. И. Миллер, именно потому, что русский язык – это язык социальной коммуникации в России, а русская культура – общая для всех граждан, «от своих нерусских граждан, как и от тех, кто подолгу живёт и работает в России, не имея гражданства, государство вправе требовать не ассимиляции, но аккультурации. Иначе говоря, не идентификации себя как русских, но освоения русского языка как языка социальной коммуникации российской нации, а также определённых норм общественного поведения, принятых как в русской среде, так и среди аккультурированных с русскими групп» [6, с. 142] – при безусловной необходимости иметь возможность сохранять свои собственные языки и культуры, что закреплено в Конституции страны.

Нация – порождение эпохи модерна, но постмодернизм привносит существенные перемены. На смену «макронационализмам» (зачастую гражданским) приходят «микронационализмы», воспринимающие макронационализм как проявления консерватизма [9, с. 197]. Активизируются дискурсы языковых прав наряду с другими правами меньшинств, дискурс деколонизации, мультикультурализма, ситуации языкового и этнического сепаратизма, язык становится инструментом нациестроительства в постсоветских государствах; иначе говоря, язык ни в коем случае не становится менее важным, наоборот – поднимается на щиты новыми общественными акторами. Хобсбаум пишет, например, о так

называемых «политических языках», то есть о языках, создаваемых и используемых в качестве символов националистическими движениями, например, о корнуоллском языке [13, с. 58]. Тенденции универсализации коммуникативного пространства в то же время не исчезают, в результате «в нашем распоряжении сегодня имеются не равноценные, а взаимодополняющие языки, независимо от наличия или отсутствия у них официального статуса» [13, с. 57].

Вполне ожидаемо при этом, что гражданский национализм как идеология не исчезает, этот нарратив вполне жив, но реализуется по-другому. Предлагаются новые его форматы, например – «мультикультурный национализм» (Т. Модуд). Наряду с групповыми правами мигрантских и постмигрантских меньшинств такой концепт признаёт важность общенациональной идентичности и роли исторического большинства в стране [14]. Автор не упоминает при этом, как должна осуществляться языковая политика и практика, и какой должна быть роль языка исторического большинства, но, вероятнее всего, речь идёт о дву- и многоязычии для мигрантских групп.

Общенациональные языки и общественное мнение

Признание роли общего языка в гражданской идентичности на массовом уровне также вполне закономерно сохраняется. В 2016 г. Исследовательский центр Пью (Pew Research Center) опросил респондентов в 14 странах о том, что нужно, чтобы быть настоящим британцем, нидерландцем, американцем и т. д. На фоне других предложенных вариантов (рождение в стране, исповедание преобладающей религии, разделение обычаев и традиций) большинство респондентов в каждой стране опроса ответили, что «очень важно» говорить на доминирующем языке страны для того, чтобы быть по-настоящему «частью нации» («member of the nation»), что составляет в среднем 77% по европейским странам, по 70% в США и Японии, 69% в Австралии и 59% в Канаде [15].

Роль языка в национальной идентичности – предмет научных и политических дискуссий и солидарностей во многих странах. Показателен пример американского общества: Рене Бур пишет о давнем споре по поводу того, является ли английский язык основополагающим элементом американской культуры или это только инструмент общения граждан США различного происхождения [3, с. 77]. Первая позиция отстаивается движением «Официальный английский язык», оно же настаивает на придании английскому языку статуса официального, чего в США нет на уровне всей страны (но есть на уровне отдельных штатов), вторая – движением «Английский язык плюс», которое наряду с необходимостью изучения английского языка новыми иммигрантами поддерживает одновременное сохранение ими родных языков и восприятие многоязычия как ресурса [3, с. 77, 85]. Различение двух этих дискурсов не представляется нам жёстким, поскольку наличие официального языка не означает автоматически

проведения ассимиляционной политики в отношении иноязычных сограждан. Однако сама по себе такая дискуссия интересна нам именно с точки зрения того, что она означает продолжающийся процесс становления национальной идентичности американцев, и один из фокусов этого процесса — на дискурсах о роли языка.

В нашей стране опросы также стабильно показывают высокую значимость русского языка как фактора российской идентичности: данная позиция по степени поддержки уступает только общему государству. Такой результат был получен в 2015 г. в исследовании Института социологии РАН — почти половина опрошенных (49%) выбирали государственный язык как объединяющий всех россиян фактор [8, с. 182].

Фактически совпали с указанными и результаты исследования ФАДН-ВЦИОМ в 2019 г.: 46% респондентов выбрали русский язык как фактор, объединяющий их со всеми гражданами России. В этом смысле русский язык уступил только общему государству как идентификатору (56%). Отметим другие существенные для нашей темы выводы из данных опроса 2019 г.

Для молодёжи (18–24 года) русский язык как объединяющий со всеми россиянами фактор значим больше, чем для людей других возрастов (54% у молодёжи против 41–50% у людей других возрастов). Учитывая, что для молодёжи более, чем для людей других возрастов, значим и идентификатор «общее государство», вероятнее всего, чаще выбираемый молодыми людьми русский язык выступает для них в значительной мере символом и компонентом государственности страны.

Для русских респондентов русский язык в гражданской идентичности существенно более значим, чем для респондентов других национальностей совокупно (49% для русских и 32% для россиян других национальностей). Иначе говоря, именно для русских российская идентичность имеет выраженное культурное измерение, то есть смыслы русского языка как фактора российской идентичности следует анализировать в зависимости от этнических контекстов, совмещая их с профессиональными, образовательными, региональными и прочими контекстами.

Русский язык и гражданская идентичность: факторы дезинтеграции в этническом контексте

Потенциально роль русского языка как фактора общероссийской идентичности, как нам представляется, очень велика. Анализ интервью показывает, что эксперты (гуманитарии и управленцы) в республиках вполне признают важные роли русского языка как языка общей коммуникации, языка познания и моста к мировой культуре, языка профессиональной культуры и бизнеса, языка, который «нас всех скрепляет»: *«Естественно, всех объединяет русский язык. Естественно,*

если бы мы распались на все этничности, это уже была бы не Россия. Урусского языка очень большая объединительная роль, общегосударственная задача, которая позволяет сохранять эту территориальную целостность» (канд. ист. наук, Уфа).

Однако если инструментальное понимание русского языка для нерусского населения, как мы предполагаем (и проверим в опросе), вполне распространено, то в поле символической значимости русский язык и этнические языки, воспринимаемые как родные, конкурируют, и не в пользу фактически общенационального языка.

Существенной объединяющей роли русского языка в символическом поле препятствуют несколько контекстных факторов, которые, как мы полагаем, в сочетании с другими имеют дезинтегрирующее влияние. Обозначим несколько, не претендуя на исчерпывающий анализ. Среди давно действующих факторов – противопоставление русского и родных языков в системе образования, существовавшее ещё с советского времени, но сохранившееся в законодательстве и педагогической практике и сейчас, даже после изменения федерального законодательства об образовании, сделавшего возможным выбор русского языка для изучения в рамках дисциплины «Родной язык». Это противопоставление сформировало и закрепило повседневные языковые практики, стало базовым для активистских дискурсов и идеологий этнических национализмов. В современных условиях мобильности, многоязычия, ситуативных и гибких идентичностей такое противопоставление непродуктивно, тем более что русский язык – фактически родной, то есть первый для значительной части россиян, не идентифицирующих себя как русских. Однако именно жёсткая привязка языка к этничности – один из самых характерных признаков современных дискурсов этнических национализмов в России, а в связи с этнолингвистическим конфликтом 2017–2018 гг. эта связка только усилилась. Интересно, что языки в таких национализмах не обязательно используются собственно для коммуникации, они используются как идеологические конструкты (согласно приведённым выше теоретическим подходам), когда идеологи национализма могут создавать свои дискурсы на русском языке, при этом всё усиливая символические роли родных языков.

В таком контексте гораздо более значимым дезинтегрирующим фактором становится усиление роли русского языка в Конституции при помощи идеологии «язык государствообразующего народа». Статус русского языка был уже достаточно серьёзно обоснован в предыдущей редакции Конституции и специальном федеральном законе, однако в 2020 г. усилен в обновлённой Конституции в качестве «языка государствообразующего народа». Президент называет русский язык не только языком межнационального общения, но и «фундаментальной ценностью нашей страны» и «государствообразующим фактором»¹. Учитывая фактическую роль русского языка как языка коммуникации россиян, трудно отрицать его значимость в категориях ценности для государства

¹ Изменения в Конституцию РФ. Что предлагают политики и общественные деятели. 13.02.2020 // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/7757159> (дата обращения: 16.11.2020).

и общества. Однако новое закрепление в основном законе страны недвусмысленно понимается обществом как соотношение с русскими в этническом смысле, а не с россиянами, чьим национальным языком по факту является русский. Сам этот факт и дискурсы вокруг него усиливают восприятие политики центра частью нерусского населения либо как ассимиляционной, либо как исключаящей, что потенциально конфликтно.

«Я работаю очень активно со студентами многонациональных коллективов, многие студенты, даже студенты вуза, говорят: «Если русские государствообразующие, то мы кто? Иностранцы что ли? Мы разве не сыграли большую роль в формировании этого государства, в защите его, поддержке в войнах, которые унесли многих наших предков в этих войнах? Т. е. получается русские государство образующие, а мы — иностранцы» (д-р социол. наук, профессор, Уфа).

«На федеральном уровне не следует слишком акцентировать роль русского языка как официально объединяющего всех. Тем самым мы акцентируем именно конфликтную сторону. На самом деле его объединяющая роль и так существует, хоть её декларируй, хоть не декларируй, она никуда не денется сама по себе. Выпячивая её, мы приводим только к тому, что на ней только накручивается конфликт вокруг русского языка, причём накручивается на нём же, потому что транслируются они на нём же, на чём же ещё» (канд. филос. наук, Уфа).

Трактовки русского языка как языка россиян, языка российской нации (В. А. Тишков), языковой общности также встречают в изученной нами экспертной среде непонимание и сопротивление, хотя фактически существующее в стране единое языковое пространство и скрепляющая роль русского языка не оспариваются. Устоявшаяся идеологема «язык межнационального общения» — ещё одно наследие советской национальной политики, продолжающее влиять на потенциал русского языка в российской идентичности.

В результате символически значимые позитивные смыслы русского языка для нерусского населения отодвигаются на второй план, он в ещё большей степени противопоставляется «родным» языкам, в активистских дискурсах из-за влияния глобализации и языковой политики государства предстаёт едва ли не угрозой миноритарным языкам, а его потенциал в формировании общероссийской идентичности снижается. Это, а также приведённые выше различия в восприятии русского языка как идентификатора общероссийской гражданской идентичности у русских и людей других национальностей, на наш взгляд, не позволяет говорить о необходимости усиления статуса русского языка в правовом пространстве. Учитывая, что это уже произошло, компенсирующим механизмом нам представляется активизация дискурсов не символической, а именно инструментальной значимости русского языка, его многоаспектной пользы — от пространства общей коммуникации до инструмента доступа к мировому культурному пространству. Однако такое акцентирование прагматической пользы русского языка как общего языка имеет немного шансов действовать в русле позитивной интеграции россиян в условиях продолжения понимания «государствообразующего народа» как этнических русских.

Заключение

Итак, мы продемонстрировали, что общенациональные языки – это и дискурсивные пространства, где формируются и постоянно воспроизводятся гражданские идентичности, и конструкты, при этом воспринимаемые обществами как важные, ценные, зачастую неотъемлемые атрибуты гражданской нации. Общественное мнение на этот счёт также довольно определённо – общенациональные или доминирующие на национальном уровне языки в разных странах воспринимаются как необходимые, чтобы считаться частью гражданской нации.

В конечном счёте все вопросы, к которым мы здесь обращались, это вопросы самоопределения общества, решаемые в разных категориях, в меняющихся условиях и разными группами интересов по-своему. Важные для нас условия, в которых происходит это самоопределение для нашей страны, – «век меньшинств», трансформация самой идеи национализма, а также наследие советской национальной политики. Поэтому элементы российского национализма воспринимаются зачастую так конфликтно в российских республиках, что максимально заметно в случаях, где были задействованы языковые вопросы. Вариант «нации наций» В. А. Тишкова вполне отвечает и «требованиям» многоязычия современного общества, и идее языковых прав, особенно если учесть статусы государственных языков республик, однако этот вариант тоже воспринимается неоднозначно. Процесс самоопределения, становления российской гражданской идентичности продолжается. Добавим к обстоятельствам самоопределения следующие – при всех трансформациях общее коммуникативное пространство в стране необходимо, в России оно есть и обеспечивается русским языком.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. М. : «Кучково поле», 2016. 416 с.
2. *Биллиг М.* Нации и языки // *Логос*. 2005. №4 (49). С. 60–86.
3. *Бур Р.* Официальный язык в американском гражданском обществе: эссенциалисты против утилитаристов // *Журнал международного права и международных отношений*. 2013. № 2. С. 77–88.
4. *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной ; Ред. и послесл. И. И. Крупника. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
5. *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2012. 527 с.
6. *Миллер А. И.* Нация, или могущество мифа. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
7. *Мухарямов Н. М.* Политика языка и языковая политика // *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И. С. Семененко; ИМЭМО РАН. М. : «Весь мир», 2017. С. 677–684.

8. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : «Весь Мир», 2015. 432 с.

9. Сидорина Т. Ю., Поляников Т. Л. Национализм: теории и политическая история. М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. 356 с.

10. Сильверштейн М. Уорфианство и лингвистическое воображение нации // Логос. 2005. № 4 (49). С. 87–132.

11. Тишков В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 127–144. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.08>.

12. Тишков В. А., Степанов В. В. Русский язык – язык гражданской нации // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов. М. : ИЭА РАН, 2019. С. 21–32.

13. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 49–59.

14. Modood T. Multiculturalism as a New Form of Nationalism? Nations and Nationalism. 2020. Vol. 26. Iss. 2. P. 308–313. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12571>.

15. What It Takes to Truly Be ‘One of Us. 01.02.2017. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/02/01/what-it-takes-to-truly-be-one-of-us/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Арутюнова Екатерина Михайловна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: 981504@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 648683

Дата поступления в редакцию: 20.11.2020. Принята к печати: 25.12.2020.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7876

Russian Language in Russian Identity: Theoretical Approaches and Current Context

The article was supported by the RFBR. Project No. 20-011-00241

«Content bases of the all-Russian civil identity in the regional and ethno-cultural context»

Ekaterina M. Arutyunova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Arutyunova E. M. (2021). Russian Language in Russian Identity: Theoretical Approaches and Current Context. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9. № 1. P. 111–123. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7876

Abstract. The article is devoted to some aspects of the role of the Russian language in the Russian identity. It analyzes the main concepts of civil nationalism in the Western scientific literature, identifies their elements associated with giving the national language one of the key roles in the formation of civil nations as a special

type of solidarity (the concepts of E. Gellner, B. Anderson, E. Hobsbawm, M. Billig, etc.). It is shown that national languages, formed under the influence of certain economic and political circumstances, continue to be reproduced as linguistic constructs in the modern conditions of fragmentation of space, trends in the recognition of the rights of linguistic and other minorities, and transformations of the ideas of nationalism. Based on the materials of representative sociological studies in different countries, it is shown that language is the “cornerstone” of national (civil) identity in people’s perceptions – national or nationally dominant languages in different countries are perceived as necessary to be considered part of a civil nation. Russian surveys also show that the Russian language is one of the most important identifiers of Russian identity in the mass representations of our fellow citizens at the moment, which is much more noticeable in the Russian ethnic environment. Russian language potential in the Russian identity is negatively influenced by both long-standing factors (in particular, the opposition of Russian and native languages in language policy and education) and recent factors related to the emphasis on the role of the Russian language as the language of the state-forming people. The article concludes that the potential of the Russian language in the Russian identity is negatively influenced by the long-standing factors (in particular, the opposition of Russian and native languages in language policy and education).

Keywords: Russian language; national language; civil nationalism; Russian identity; public opinion

REFERENCES

1. Anderson B. (2016). *Imagined communities reflections on the origin and spread of nationalism*. [Russ. ed.: Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma]. M. : Kuchkovo pole publ. 416 p. (In Russ.)
2. Billig M. (2005). *Natsii i yazyki*. [Nations and languages]. *Logos*. № 4 (49). P. 60–86. (In Russ.)
3. Buhr R. (2013). Official Language Debates in American Civil Society Essentialist vs. Utilitarian Arguments. [Ofitsial’nyi yazyk v amerikanskom grazhdanskom obshchestve: essentsialisty protiv utilitaristov]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*. Iss. 2. P. 77–88. (In Russ.)
4. Gellner E. (1991). *Nations and Nationalism*. [Russ. ed.: Natsii i natsionalizm]. Ed. by I. I. Krupnika. M. : Progress publ. 320 p. (In Russ.)
5. Greenfeld L. (2012). *Natsionalizm: pyat’ putei k sovremennosti*. [Nationalism: Five Roads to Modernity]. M. : PER SE publ. 528 p. (In Russ.)
6. Miller A. (2016). *Natsiya, ili mogushchestvo mifa*. [Nation. Power of a Myth]. Saint Petersburg : EUSP Press publ. 146 p. (In Russ.)
7. Mukharyamov N. M. (2017). *Politika yazyka i yazykovaya politika*. [Language Politics and the Politics of Language]. *Identichnost’: Lichnost’, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie*. [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. M. : Ves’ Mir publ. P. 677–684. (In Russ.)
8. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya*. [Russian Society and Challenges of the Time. Book Two]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M. : Ves’ Mir publ. 432 p. (In Russ.)
9. Sidorina T. Yu., Polyannikov T. L. (2006). *Natsionalizm : teorii i politicheskaya istoriya*. [Nationalism : theories and political history]. M. : HSE publ. 35 p. (In Russ.)
10. Silverstein M. (2005). *Uorfianstvo i lingvisticheskoe voobrazhenie natsii*. [Whorfianism and the Linguistic Imagination of Nationality]. *Logos*. Iss. 4 (49). P. 87–132. (In Russ.)
11. Tishkov V. A. (2019). Language situation and language policy in Russia (revising categories and practices). [Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Rossii (reviziya kategorii i praktik)]. *Polis. Political Studies*. Iss. 3. P. 127–144. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.08> (In Russ.)

12. Tishkov V. A., Stepanov V. V. (2019) Russkii yazyk – yazyk grazhdanskoi natsii. [Russian is the language of the civil nation]. *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika*. [The Measurement of Cultural Diversity. Language Situation, Censuses, Field Ethnostatistics]. М. : IEA RAS publ. P. 21–32. (In Russ.)

13. Hobsbawm E. (2005). Are All Tongues Equal? Language, culture, and national identity. [Russ. ed. : Vse li yazyki ravny? Yazyk, kul'tura i natsional'naya identichnost']. *Logos*. Iss. 4 (49). P. 49–59. (In Russ.)

14. Modood T. (2020). Multiculturalism as a New Form of Nationalism? *Nations and Nationalism*. 2020. Vol.26., Iss. 2. P. 308–313. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12571>.

15. What It Takes to Truly Be One of Us. 01.02.2017. *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/02/01/what-it-takes-to-truly-be-one-of-us/>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arutyunova Ekaterina Mikhailovna – Candidate of Sociology,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: 981504@mail.ru

ORCID Id: 0000-0002-9002-1491

Web of Science Researcher Id: J-1130-2018

The article was submitted on November 20, 2020. Accepted on December 25, 2020.